УДК 94(100)

П. В. Крылов

Рецензия на: Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2013. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. 810 с.

Тема Реформации во «Всемирной истории»

Едва ли выглядит удивительным тот факт, что в третьем томе «Всемирной истории», посвященном раннему новому времени, история христианских церквей в Западной Европе и взаимоотношений государственных институтов с церковными иерархами и сообществами упоминается довольно часто: евангелическая Реформация, начатая Мартином Лютером и продолженная Жаном Кальвином, и борьба с ней, во главе которой встали римские папы, затронули, пожалуй, все страны этого макрорегиона. Впрочем, первое упоминание об этом процессе как таковом выглядит весьма загадочно: «Важнейшим косвенным результатом Реформации в конечном счете стало утверждение идеи веротерпимости, имеющей общие корни с ренессансным свободомыслием и для средневековой Европы чуждой» (с. 56). Если читатель остановит на этой странице свое знакомство с книгой, у него закономерно может сложиться впечатление, что косвенные результаты описываемого феномена оказываются более значимыми, нежели результаты прямые, полностью укрывшиеся в их густой тени. Некоторое недоумение может возникнуть и оттого, что веротерпимость

не была полностью чуждой средневековой Европе. Ее примеры можно встретить как в классическом средневековье (мусульманские и иудейские общины, существовавшие до конца XV в. в христианских государствах Пиренейского полуострова), так и в средневековье позднем (легальное существование причащавшихся под обоими видами утраквистов в погуситской Чехии). Реальность вступает в очевидную противоположность с высказанным тезисом, тем более что между выступлением Лютера и его последователей и закреплением принципов веротерпимости Вестфальскими соглашениями 1648 г. прошло более 100 лет, наполненных религиозной враждой и кровавыми столкновениями и сражениями, в том числе на полях Тридцатилетней войны.

Прямые результаты Реформации оказываются обозначенными немного ниже, в отдельной главке на с. 75–79, где их ядром признаются «освобождение народов Европы от духовного диктата Рима и подчинение Церкви государственной власти. Гуманистическая образованность не могла стать знаменем политической борьбы, эти функции взяло на себя религиозное движение за обновление христианской Церкви» (с. 75). Автор раздела отмечает двойственность сопровождавшего Реформацию подъема религиозных чувств. Они привели «к росту нетерпимости не только в духовной и политической жизни, но и в области науки, культуры, общественной морали» (с. 76), и только «в результате так называемой конфессионализации (разделения Европы по религиозному признаку) установилось некоторое равновесие» (с. 77). Тем не менее, появление новых организационных религиозных сообществ, «евангелической церкви», в которой «было упразднено почитание икон и мощей, из семи таинств, мистических обрядов католицизма, осталось лишь два — таинства крещения и причащения» (с. 77) не акцентируется в качестве одного из главных последствий, хотя вызванный им кризис представления о едином западнохристианском мире, основанном на общности вероисповедания, привел к серьезным трансформациям не только мировоззренческого, но и политического и даже экономического свойства.

За исключением довольно пространной вводной части, том в дальнейшем построен по страноведческому принципу. И это не могло не отразиться на освещении темы, которая является по самой своей сути сквозной, если не осевой для всего периода.

В результате страницы, посвященные религиозным войнам во Франции, предшествуют в книге тем, на которых повествуется о германских событиях начала Реформации, несмотря на очевидную хронологическую рассогласованность. Автор французского раздела сделал акцент на политическом аспекте: «деле о плакатах», репрессиях королевской власти в отношении протестантов и последовавших за ними войнах, что сопровождалось хорошо известными перипетиями, включающими Варфоломеевскую ночь и борьбу Генриха

Наваррского за французский престол. При этом существо идей Жана Кальвина, приобретших особенную популярность в этой стране, продемонстрировано читателю не особенно ярко, так же как и причины успешного распространения кальвинизма во Франции. «Кальвинизм привлекал выходцев из самых разных слоев: купцов и ремесленников, клириков и аристократов, гуманистов и чиновников, — главным было ощущение избранности. За религиозным выбором зачастую скрывались вполне земные расчеты... Особую роль в распространении кальвинизма в семьях дворян и чиновников играли их жены, именно они оказывались наиболее восприимчивыми к словам проповедников, воспитывали детей в новой вере» (с. 143). Одновременно автор оговорился, что принадлежность к гугенотам могла стать причиной гонений со стороны Огненной палаты, президиальных судов и, во времена Религиозных войн, членов Католической Лиги. Вызывает сильное сомнение, что в таких условиях материальная заинтересованность быть ведущим мотивом обращения к церковной реформе.

Политический аспект Реформации отразился и в тех абзацах, которые посвящены этой теме в истории Нидерландов (с. 180) и Англии (с. 201). Впрочем, автор нидерландского раздела фактически ограничился признанием того, что «более умеренное лютеранство получило распространение в основном среди оппозиционно настроенного дворянства и патрициата», а «кальвинизм нашел своих сторонников в наиболее радикальных слоях общества: широкой бюргерской среде, городской и сельской бедноте, хотя руководящая роль в движении принадлежала городской буржуазии». Повествование здесь вполне закономерно организовано вокруг событий революции и войны за независимость против Испании, в которых конфессиональный фактор оказывается в подчиненном положении относительно политического.

Автор английского раздела со своей стороны особо отмечает королевский характер Реформации, останавливаясь на значении Акта о супрематии 1534 года, подчинившего церковь государю и включившего ее в систему государственных институтов. Одновременно им весьма подробно охарактеризованы основополагающие акты государственной власти — «10 статей» (с. 202) и «39 статей» (с. 204). Впрочем, композиционный замысел тома «Всемирной истории» привел к тому, что проведенная по решению короля Густава I реформация в Швеции, хронологически предшествовавшая английской (начало ей было положено на Вестеросском риксдаге 1527 г.), попадает на страницы существенно позже, и рассматривается под всё тем же углом политической и материальной заинтересованности властей, которые «давно (и небезуспешно) стремились подчинить Церковь в своих странах вопреки средневековому принципу “свободы Церкви”» (с. 234).

Отодвинутой на второй или даже третий план оказалась и едва ли не центральная по важности для истории Реформации история Германии. В сочинении ей нашлось место между историей Англии и стран Скандинавского полуострова. Автор германского раздела весьма существенно разошелся со своими

коллегами в оценках причин перемен в религиозной жизни Европы: «Истоками Реформации стали особенности духовного климата позднесредневековой Германии: растущая индивидуализация религиозных чувств, стремление постичь Бога, минуя посредничество Церкви, влияние немецкого гуманизма, который и превращает ученого в верховного арбитра библейских истин» (с. 221). Политический и экономический аспекты борьбы за церковные преобразования, в противоположность тому, что можно было прочитать в предшествующих главах, заметно отступают перед собственно конфессиональным.

Зато в разделе, посвященном Польше, материалистический подход к теме Реформации возвращается едва ли не в наиболее концентрированном виде. «Шляхтичей привлекало не столько религиозное содержание новых доктрин, сколько возможность использовать их в своих целях для укрепления независимой позиции дворянина» (с. 266). Подобным же образом были склонны объяснять историки СССР и социалистической Чехословакии участие панства, рыцарства и городской верхушки в гуситском движении, фактически игнорируя возможные религиозные мотивы их мятежного по отношению к церкви поведения.

В качестве серьезного упрека авторам тома необходимо указать на отсутствие раздела, посвященного Швейцарии, ставшей благодаря кальвинистской Женеве одним из центров мировой Реформации, важнейшим полем для практической реализации конфессиональной, политической и социальной программы Жана Кальвина и его последователей. Роль Женевы как «протестантского Рима» отмечается, пожалуй, только эпизодически, например при упоминании лидера шотландских реформаторов Джона Нокса, скрывавшегося в Швейцарии во время правления Марии Тюдор (с. 207).

За рамками сочинения остался распад единого западно-христианского мира с его общими представлениями о священном и сходными культовыми практиками. В то же время возникновение альтернативных моделей взаимоотношений церковных и государственных структур в разных землях описано как факт европейской истории, но его значение для будущего этой части света не акцентировано. В этом можно было бы упрекнуть авторов тома, поскольку разрушение конфессионального единства поставило европейские народы перед необходимостью создать приемлемую для всех десакрализованную дипломатию, которая опиралась бы на политическую теорию и мировоззренческие принципы, не имевшие строгой вероисповедальной природы, а также на систему образования, получившего в дальнейшем название классического. Впрочем, в книге отсутствует отдельная глава, посвященная школьному делу, которая могла бы дополнить имеющийся очень информативный раздел «Научная революция» (с. 82–95). Он дает представление о научных открытиях, изобретениях и произошедших в раннее новое время изменениях в научной картине мира, но не позволяет судить о том, в какой мере овладение этими новшествами могло внедряться в сознание новых поколений посредством образования. Наконец, утверждение автора раздела, что «распространение идеи о том, что в основе

познания мира лежит разум, было связано с Ренессансом и Реформацией» (с. 82), требует раскрытия.

Многочисленные вопросы и критические замечания, которые вызывает образ Реформации в третьем томе «Всемирной истории», не являются следствием желания рецензента уязвить авторский коллектив и усомниться в высоком качестве представленной работы. Концепция тома продумана, исполнение концептуальных устремлений вполне удачно. И то, что Реформация в рамках этой концепции является несколько второстепенным явлением по сравнению с изменениями в политической, экономической и, что немаловажно, информационной областях, а также в системе связей между странами и регионами, не могло не сказаться на трактовке явления как такового. В качестве одного из курьезных последствий можно подметить, что слово «церковь» в различных разделах пишется то с прописной, то со строчной буквы, видимо, в зависимости от индивидуальных пристрастий того или иного автора.

В 2017 г. будет отмечаться 500-летие Реформации. Возможно, юбилейная дата станет поводом для появления отдельного сочинения, в котором была бы отражена история движения за церковные преобразования «в голове и членах», в центре и на периферии западно-христианского мира. Возможно также, что в этом труде удастся избежать ставшей привычной схемы, согласно которой фундаментом любого явления в жизни человечества служит экономика, первым этажом — политика, а религия — всего лишь деревянный резной балкончик на каменном доме.